

варительную, неполную. К сожалению, книга издана без именного и предметного указателей, что для издания такого типа является заметным недостатком. Однако книга Е. Мамчур, Н. Овчинникова и А. Огурцова имеет исключительное важное значение для восстановления

столь необходимого *списка* в ахматовском смысле слова.

А.М. Никулин

кандидат экономических наук,
Московская школа социальных
и экономических наук

РОССИЯ: РИСКИ И ОПАСНОСТИ “ПЕРЕХОДНОГО” ОБЩЕСТВА: СБОРНИК СТАТЕЙ / ОТВ. РЕД. О.Н. ЯНИЦКИЙ. М.: ИЗД-ВО ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ РАН. 1998. 237 с.

Авторы исходят из концепции “общества риска”, объясняющей культурные и институциональные изменения российского общества, порождаемые нарастающим производством рисков. Рассматриваются, в частности, отношение власти и населения к источникам повышенной опасности, специфика алкоголизма и наркомании, а также особенности самосохранительного поведения.

Несмотря на значительное количество литературы, посвященной социальным последствиям экологических и иных катастроф, российское общество как общество риска изучено недостаточно и рецензируемая работа может стать основой нового направления в социологических исследованиях.

Основная заслуга авторов рецензируемой работы состоит в том, что они отошли от “катастрофического” уклона в социологии, умножающего анализ последствий больших и малых катастроф, и подошли к ним как к печальному, но закономерному явлению современной России. Оригинальна и поставленная авторами задача риск-рефлексии: не только описывать, измерять и предугадывать последствия катастроф, но и осмыслить закономерности в реакции индивидов и социальных структур на производимые обществом риски.

Сборник содержит статьи общетеоретического характера (О.Н. Яницкий), результаты конкретных социологиче-

ских исследований (М.Е. Позднякова, Л.С. Шилова), а также статьи, раскрывающие проблемы современной “рискологии” (А.В. Мозговая, Г.Г. Заиграев и др.). Во введении к сборнику отмечается, что в отличие от трактовки рисков как последствий природных и техногенных катастроф, возможен и теоретически оправдан существенно иной взгляд на проблему рисков: как на неустранимую, интегральную часть процессов социально-культурных и институциональных изменений, особенно тогда, когда речь идет о социетальных трансформациях, подобных тем, которые имеют место сегодня в России (с. 6). Развивая этот методологический подход, О.Н. Яницкий раскрывает причины актуальности “рискологического” анализа российского общества. Во-первых, “порог несущей способности” прежней социальной среды был преодолен, и “социальная среда российского общества, состоявшая из множества хрупких микромиров межперсональных общностей, идентификаций и социальностей, соединенных паутиной слабых взаимодействий, рухнула под напором разрушительных трансформаций” (с. 15). Во-вторых, это риски являются следствием самого процесса модернизации (и демодернизации): “Коль скоро российское общество вступило на путь модернизации по западному образцу, не только его продвижение вперед, к последующей (высокой) фазе, но и отход назад, т.е.

демодернизация, и даже просто задержка, “состояние” на этом пути чреваты интенсификацией производства рисков” (с. 16). В третьих, нарастает процесс трансформации среды жизнеобеспечения людей в среду жизнеразрушения. Как полагает Яницкий, “система против среды” – основное противоречие и главный источник рисков в современном российском обществе (с. 22). Наконец, если российское общество не осознает подрыва основных структур жизнеобеспечения, то оно обречено на угасание: “В современных условиях способность общества к рефлексии и рефлексивности становится критическим культурным ресурсом” для его самосохранения и выживания (с. 25).

А.В. Мозговая вводит понятие субкультуры риска, характерными чертами которой являются “повышенная тревожность населения по поводу своего здоровья и здоровья детей, высокий уровень заинтересованности в информации о состоянии окружающей среды, превалирование ценностей материального благополучия над ценностями демократических прав и свобод, преимущественная ориентация на авторитарные способы принятия решений на региональном и государственном уровне при высокой степени готовности принять участие в массовых выступлениях протеста” (с. 79). Отсюда следуют два вывода. Та “субкультура риска, которая имеет место на данном этапе развития гражданского общества в России, не обеспечивает адекватный уровень защищенности социокультурной среды в силу низкой “экологичности” как сознания, так и поведения социальных общностей” (с. 80, 81). Экологическая составляющая общественной идеологии “отличается своей неполитической сущностью, она базируется не на абстрактном экологическом интересе, а на общечеловеческих ценностях”. Экологическое движение в этой связи видится автором как сугубо гражданское движение, социальной базой которого выступают носители демократических принципов управления обществом (с. 82).

Центральными в рецензируемой работе являются проблемы экологизации сознания и поведения как проявления риск-рефлексии. Так, Л.С. Шилова рассматривает понятие самосохранительного поведения, ключевым моментом которого является отношение человека к своему здоровью. Автор показывает, что до реформ поведение городских жителей в сфере здоровья характеризовалось отставанием уровня культуры самосохранения от тех требований, которые им предъявляла экономическая и экологическая действительность (с. 161, 162). Основываясь на данных эмпирических исследований Шилова делает вывод, что “платой за реформенные преобразования в стране является длительное психоэмоциональное напряжение населения, которое служит пусковым механизмом роста хронических заболеваний и блокирует процесс адаптации к переменам у многих социально-демографических групп”, что подтверждается фактом совпадения групп риска заболеваний с группами социального риска (с. 183).

Анализируя социально-психологические аспекты процессов химического разоружения, Л.А. Федоров утверждает, что укоренившееся у властной элиты страны “оборонное сознание” наряду с неразвитостью у нее культуры проблем приводят к тому, что чуть ли не основным препятствием на пути разоружения России стали проблемы социально-психологического порядка (с. 132). Иными словами, власть в России психологически не созрела для эффективного и относительно безболезненного проблемы химического разоружения (с. 156). В частности, одним из основных препятствий является налаживание диалога с населением, живущим в непосредственной близости от объектов военно-химического комплекса.

Анализируя риск-рефлексию двух наиболее значимых групп экологического движения – консервационистов и эко-анархистов, А.А. Кузьмина приходит к выводу, что, как правило, лидеры этих групп не рефлексируют, а лишь “дейст-

вуют”, причем их действия далеко не всегда направлены на устранение причин экологического кризиса (с. 211). Реконструкция случаев риск-рефлексии названных групп “позволяет утверждать, что они защищают природу в первую очередь ради нее самой, а не ради обеспечения условий жизни для человека, т.е. природа для них самоценна” (с. 211). Автор вводит понятие самосохраняющейся риск-рефлексии, то есть активности экологов, направленной на сохранение и поддержание экологического движения. Подобная рефлексивность характеризуется Кузьминой как деятельность, направленная на трансформацию движения в сеть замкнутых многофункциональных экологически ориентированных сообществ и их множественную аффилиацию. “Данная форма риск-рефлексивности стимулируется необходимостью самоидентификации членов движения, сохранения его специфического социального лица” (с. 232).

По мнению М.Е. Поздняковой, наркомания становится “социетальной проблемой” России. Одним из индикаторов проявления этой опасности “следует считать выход наркотизации за пределы традиционно поражаемых групп (с. 108). Среди важнейших характеристик этого качественного скачка автор называет: 1) распространение наркотиков среди обеспеченных слоев и, в частности, в среде “новых русских”; 2) усиленная наркотизация групп, как потерявших свой социальный статус, так и приобретших за короткий срок новый статус; 3) размывание возрастных границ наркотизации; 4) снижение нижней возрастной границы начала наркотизации до 11-13 лет, причем с преобладанием мотивов личностной защиты и сохранения семейных связей (при наличии мужа или другого члена семьи, уже

употребляющего наркотики). Чтобы ослабить остроту алкогольной обстановки в стране, необходимы разработка и последовательное проведение в жизнь государственной алкогольной политики, основанной на принципиально иных подходах, — считает Г.Г. Заиграев. — Нужна политика, научно обоснованная, сориентированная на комплексное решение проблемы, максимально учитывающая как специфические особенности и причины распространения данного социального явления, так и реальные возможности общества, исторический опыт, культурные традиции и обычаи народов России (с. 99).

Теоретические рамки сборника достаточно определенно очерчены в статье О.Н. Яницкого. Однако авторы сборника развивают концепцию общества риска применительно к конкретным процессам и получают неординарные результаты. Так, в статье А.В. Мозговой традиционные проблемы образа жизни приобретают новые измерения. Исключительно оригинален подход Л.С. Шиловой к самосохранительному поведению в критических условиях современной России. Особый интерес представляет статья Л.А. Федорова, ученого и известного общественного деятеля. Возможно, она написана в несколько иной тональности, чем остальные работы, однако позволяет перекинуть междисциплинарный “мост” между естественными науками и социологией, помогает социологам понять, как проблемы экологических опасностей формулируются на языке массовых социальных движений.

А.А. Быков

доктор

физико-математических наук,

главный редактор журнала

“Вопросы анализа риска”